

КНИГОВЕДЧЕСКАЯ ШКОЛА МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА КУФАЕВА

НАТАЛИЯ ЛЕЛИКОВА

Российская национальная библиотека
Отдел библиографии и краеведения
Садовая ул., 18, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: lelikova@nlr.ru

Статья посвящена влиянию на российское книговедение выдающегося ученого Михаила Николаевича Куфаева. Не создавший своей книговедческой школы в 1920-е годы, в период расцвета своего творчества, вследствие изменения политической и идеологической обстановки в СССР 1930-х годов, несправедливо обвиненный, а впоследствии забытый, М. Н. Куфаев оказался весьма востребован современным российским книговедением, во многом формирующимся на основе его теоретических положений. Именно в современном книговедении М. Н. Куфаев нашел своих последователей и своих учеников.

Ключевые слова: Михаил Николаевич Куфаев, философия книги, философия книговедения, библиосоциология, история книги, искусство книги, история и теория библиофильства, библиография, зарубежная библиография.

Михаил Николаевич Куфаев (1888–1948) – известный российский книговед и теоретик библиографии 1920-х гг., один из создателей философии книги, философии книговедения, библиосоциологии. Он изучал также проблемы истории книги, истории и теории библиофильства, привлекало его внимание искусство книги; он подробно разработал теоретические и методологические основы библиографии в ее связи с книговедением, одним из первых в СССР он начал заниматься проблемами зарубежной библиографии.

Он заявил о себе как книговед в 1922 г., когда в сборнике «Sertum bibliologicum...», выпущенном в честь президента Русского библиологического общества А. И. Макина, опубликовал статью «Проблемы философии книги», которая затем в 1924 г. вышла в виде отдельной книги.

1920-е годы были наиболее активным периодом его творчества в области книговедения и библиографии. Он опубликовал 4 монографии: кроме «Проблем философии книги», – «Библиофилия и библиомания», «Книга в процессе общения»,

«История русской книги в XIX веке» – и около 50 статей.

М. Н. Куфаев был личностью незаурядной, столь же неординарными были и его труды, поэтому они сразу привлекли пристальное внимание. В 1920-е годы к ним проявляли интерес, на них ссылались, их цитировали. Несомненно, Куфаев был представителем так называемого «классического книговедения», восходящего к идеям Н. М. Лисовского и А. М. Ловягина, имел единомышленников (в частности, это легко прослеживается в библиографии: так, концепцию «библиография как наука», кроме него, разрабатывали Н. Ю. Ульянинский, Н. П. Киселев, отчасти Б. С. Боднарский). Следует заметить, что к Куфаеву с уважением относились на Украине, и журнал «Бібліологічні вісті» неоднократно публиковал его статьи и рецензии в переводе на украинский язык.

Однако 1920-ми годами, по сути дела, творческий путь М. Н. Куфаева и завершился. С середины 1920-х годов в СССР началась перестройка книговедения и библиографии на принципах марксистско-ленинской методологии. В частности, об этом было заявлено на II Всероссийском библиографическом съезде в 1926 г.; при этом первоначальная постановка этого вопроса в докладе И. В. Владиславлева, например, у большей части книговедов того времени вызвала недоумение – они не поняли, да и не могли понять всей серьезности того, что последует в дальнейшем.

Куфаев как представитель «классического» книговедения сразу попал в число

Михаил Куфаев (1888–1948)

лиц, труды которых были подвергнуты уничтожающей критике. Его упрекали в идеализме – как ученого, дерзнувшего утверждать «божественность» происхождения книги (в «Проблемах философии книги», говоря о происхождении книги, он цитировал Евангелие: «В начале было Слово, и Слово было у Бога», а не человека, «и Слово было Бог», т. е. все» и обращался к сюжетам древнегреческой мифологии), в метафизичности – создал метафизические надстройки над наукой в виде «философии книги» и «философии книговедения», в приверженности взглядам В. Виндельбанда и Г. Риккерта – их разделение наук на науки о природе и науки о духе Куфаев использовал в своих трудах в то время, когда общепризнанной становилась марксистская классификация наук и т. д. Практически ни одна работа второй половины 1920-х и особенно 1930-х годов – И. В. Владиславлева, А. Г. Фомина, П. Н. Беркова, И. В. Новосадского,

украинских книговедов – М. А. Годкевича и К. А. Довганя не обошлась без весьма суровой, а главное – необъективной критики положений концепции М. Н. Куфаева. В 1931 г. были изданы: книга А. Г. Фомина «Книговедение как наука» и первый выпуск «Трудов Музея книги, документа, письма», где работы Куфаева оценивались очень резко: «как одна из многочисленных разновидностей реакционной буржуазной философии» [7], а его теория как «идеалистичная, активно враждебная марксизму», «реакционная, являющаяся продуктом дореволюционного буржуазно-интеллигентского мышления» [2]. Для того времени это были очень серьезные обвинения. В 1932 г. Куфаева уволили из Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы Академии наук, где до этого он работал секретарем, отметив, что «М. Н. Куфаев как автор книг и статей по книговедению проявил себя самым отрицательным образом, выступая как законченный выразитель идеалистической реакции» [9].

В 1930-е годы количество публикуемых им работ резко сократилось – 1 монография и около 5 небольших статей. В 1934 г. была издана книга Куфаева «Иностранная библиография». Этой темой до него никто в России серьезно не занимался (в предшествующий период вышли только две небольшие работы А. И. Малеина и А. И. Калишевского). «Иностранная библиография» опять-таки подверглась резкой критике, главным образом по идеологическим аспектам: опять писали об

идеализме и буржуазности. В результате во второй половине 1930-х годов Куфаев, так удачно заявивший о себе как книговед и теоретик библиографии в 1920-е годы, по сути перестал публиковать свои труды.

Он ушел в другую область. Всю свою жизнь параллельно с научными занятиями в области книговедения и библиографии Куфаев (с 1911 г., после окончания Историко-филологического института в Петербурге) преподавал историю: сначала в средней, а затем в высшей школе. При этом никаких исторических трудов он не публиковал, за исключением небольших лекционных курсов для студентов. И до Великой Отечественной войны, и во время войны, и после в разных институтах и в средней школе Куфаев читал курсы лекций по истории и вел занятия. С 1946 г. он читал этот курс в Ленинградском государственном библиотечном институте и там же преподавал историю книги. Сохранились восторженные отзывы его студентов, слушавших этот курс. А в феврале 1948 г. Куфаева не стало.

Таким образом, ни в 1920-е, ни в 1930-е годы Михаил Николаевич Куфаев своей школы не создал, – у него для этого просто не было возможности, хотя он был представителем определенного и в свое время достаточно авторитетного течения в книговедении.

В 1940–1950-е годы о нем не вспоминали. В статье М. А. Брискмана «Советская теория библиографии в 20–30-е годы», появившейся в 1961 г., вновь говорилось об «оторванной от жизни, метафизической

и эклектической концепции М. Н. Куфаева» [4], и первой публикацией, в которой признавалось, что «многие сформулированные им положения, мысли и концепции представляют несомненный теоретический интерес, весьма продуктивны и достойны критического изучения», была статья И. Е. Баренбаума, опубликованная в сборнике «Книга. Исследования и материалы» в 1973 г. [1] В 1980 г. В. И. Безъязычный подготовил факсимильное переиздание «Библиофилии и библиомании», в 1981 г. благодаря усилиям того же И. Е. Баренбаума в серии «Труды отечественных книговедов» было издано «Избранное» М. Н. Куфаева – стали доступны читателям его основные книговедческие и библиографоведческие труды. В 1988 г. появилась моя статья [5], в которой я постаралась написать о необоснованности резкой критики трудов Куфаева в 1930-е годы и о его значении для отечественного книговедения.

В 1990–2000-е годы в российском книговедении произошел всплеск интереса к трудам М. Н. Куфаева и, как это ни покажется странным, можно утверждать, что спустя почти 50 лет после смерти ученого в России начала формироваться «книговедческая школа» Михаила Николаевича Куфаева. Несколько частных примеров. В 1995 г. появилась монография В. А. Фокеева «Природа библиографического знания». Сам автор в своей книге не прослеживал аналогий с теорией М. Н. Куфаева и, конечно, его учеником себя не считал. Однако сама постановка вопроса о способности библиографии генерировать

научное знание и это в то время, когда библиография мыслилась лишь как средство удовлетворения информационных потребностей пользователей, объективно продолжает линию концепции «библиография – наука», которую активно разрабатывал Куфаев в 1920-е годы.

В 2003 г. был переиздан один из основных трудов М. Н. Куфаева «История русской книги в XIX веке». В качестве предисловия опубликована интереснейшая статья М. М. Панфилова «Между молотом и наковальней. (Книжная историософия Михаила Куфаева)» [8]. Создатели этой концепции выводят основные книговедческие положения из воззрений славянофилов XIX в. – Алексея Хомякова, Ивана Киреевского, а в XX в. находят истоки своей теории в определенных положениях книговедческой теории Михаила Куфаева, мысля себя в качестве его последователей и, видимо, учеников. И хотя с авторами этой концепции можно спорить, и Куфаев в своих воззрениях, вопреки их утверждениям, был не славянофилом, а скорее – убежденным «западником», наличие подобной концепции и влияния Куфаева отрицать не приходится.

В 2004 г. появилась моя монография «Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX – первой трети XX века» [6]. Следует признать, что эта книга также восходит к методологии книговедческого исторического исследования Куфаева, т. е. создавая свой труд, автор должен был от чего-то оттолкнуться. Изучая внимательнейшим образом труды Куфаева, я старалась не

только осознать, о чем он пишет, но и как, на каких принципах он свои труды создает. Двум основным принципам, четко прослеживающимся у Куфаева, я старалась следовать: во-первых, точно вписывать изучаемое явление, будь то библиография или книговедение, в исторический контекст, в ту эпоху, в которую происходило становление и развитие данного явления. В противовес этому некоторые российские библиографоведы категорично утверждают, что «все в истории должно быть изучаемо с позиций развитого состояния объекта», и хотя это общее положение возражений не вызывает, зачастую они подменяют историческое исследование исторической иллюстрацией угодных автору теоретических положений. (Полемика между мной и известнейшим в России библиографоведом Э. К. Беспаловой по поводу методологии исторических исследований в книговедении и библиографоведении была опубликована в 2007 г. еще при жизни Эмили Константиновны на страницах сборника «Книга. Исследования и материалы» [3].) И второй принцип, которого неуклонно

придерживался Куфаев, и которому я также старалась следовать, это стремление рассматривать проблематику исследований отдельной страны в русле общемировых тенденций развития науки, даже если эти тенденции (как, например, в российской науке о книге начала XIX в.) свелись к простому заимствованию отдельных теоретических положений из работ зарубежных исследователей. М. Н. Куфаеву в его время следовать этому принципу было намного сложнее, чем мне в мое.

Конечно, говорить о формировании книговедческой «школы» М. Н. Куфаева в наше время можно лишь условно, но то, что его «присутствие» в современном российском книговедении ощущается весьма сильно, это факт. Косвенным подтверждением этого является переиздание его основных трудов в 2000-е годы. В то же время полный обстоятельный науковедческий и философский анализ вклада М. Н. Куфаева в отечественное книговедение, как, возможно, и выявление того влияния, которое оказал Куфаев на современных книговедов, еще предстоит осуществить.

ССЫЛКИ

1. БАРЕНБАУМ, И. Е. Михаил Николаевич Куфаев. In *Книга: исследования и материалы*, 1973, сб. 27, с. 189–196.

2. БЕРКОВ, П. Н. Развитие истории книги как науки. In *Труды. Музей книги, документа и письма*. Ленинград, 1931, [вып. 1], с. 78.

3. БЕСПАЛОВА, Э. К. Одна, две или три науки? In *Книга. Исследования и материалы*, 2007, сб. 86, ч. 1, с. 50–66; ЛЕЛИКОВА, Н. К.

Наука о книге в России, или К вопросу о методологии исторических исследований. In *Книга. Исследования и материалы*, 2007, сб. 86, ч. 1, с. 67–88. Приложение: ПЕНЬО Э. Г. Синоптическая (сводная) таблица библиологии, или методический обзор всех основных разделов, составляющих эту науку. Перевод М. Б. Рясенцевой; публикация Н. К. Леликовой, с. 89–103.

4. БРИСКМАН, М. А. Советская теория библиографии в 20-30-е годы. In *Труды. Ленинградский государственный библиотечный институт. Ленинград, 1961, т. 9, с. 101.*

5. ЛЕЛИКОВА, Н. К. «В Начале было Слово»: (к 100-летию со дня рождения М. Н. Куфаева. *Советская библиография*, 1988, № 5, с. 53–60.

6. ЛЕЛИКОВА, Н. К. *Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX – первой трети XX века.* Санкт-Петербург, 2004. 415 с.

7. НОВОСАДСКИЙ, И. В. Теория книговедения и марксизм: критика современного книговедения. In *Труды. Музей книги, документа, письма. Ленинград, 1931, [вып. 1], с. 11.*

8. ПАНФИЛОВ, М. М. «...Между молотом и наковальней...»: (книжная историософия Михаила Куфаева). In КУФАЕВ, М. Н. *История русской книги в XIX веке* с иллюстрациями. Москва: «Пашков Дом», 2003, с. 3–20.

9. Петербургский филиал Архива Российской академии наук (ПФА РАН). Ф. 4, оп. 4, ед. хр. 1574, л. 12.

MIKHAIL KUFAYEV'S BIBLIOLOGICAL SCHOOL IN RUSSIA

NATALIA LELIKOVA

Abstract

The paper discusses the influence of the eminent scholar Mikhail Kufayev on the Russian book science. In his works, Kufayev paid particular attention to the philosophy of a book and to the philosophy and methodology of book science, to the history of a book, to bibliosociology, etc. Kufayev, when creating his theory of book science, used the main principles of the doctrine of the Baden school of philosophy. He considered book science to be one of the “ideographic” sciences which study individual phenomena and their historically unique traits as opposed to “nomothetic” sciences which study reality from the points of view of the universal phenomena expressed in the laws of their existence. Kufayev emphasized the unique and “ideal” nature of book’s origin; he considered each book to be an issue of the activity of the creative self of a person. For him, a book is the thought and the word embodied by a visible sign. The studies of the “material” existence of a book in the “field of communication” and in the “process of communication” belong,

in his opinion, to the domain of bibliosociology which treats the social importance of a book and establishes certain laws belonging, therefore, to nomothetic sciences.

Kufayev’s theory lies within the Western European tradition, and his interesting methodological and theoretical findings were typical also of other eminent Russian experts in book science, such as Nicolai Lisovsky and Alexandr Loviagin. However, the late 1920s and the early 1930s are marked by the beginning of ideologizing the science in Russia; during the 1930s, Kufayev’s works were condemned as bourgeois, idealistic, and formalistic. He could not lead a school of book science in the prime of his creative work in the 1920s, because the political and ideological situation in the USSR changed towards the end of the decade. Kufayev’s works were strongly criticized; as a result, that he was unfairly neglected.

But Kufayev’s theoretical propositions have laid the foundations of current Russian book

studies. Modern scholars consider his ideas to be topical in the present-day humanitarian science. In their works, following Kufaev, they study bibliography and book science knowledge; they consider the ideas of an object at the empirical level

of studies to be necessary but insufficient for its comprehensive study. Kufaev's followers and pupils rank among many modern bibliologists, so we can consider Mikhail Kufaev's book science school to be very popular in today's Russia.

RUSIŠKOJI MICHAILO KUFAJEVO BIBLIOLOGIJOS MOKYKLA

NATALIJA LELIKOVA

Santrauka

Straipsnyje nagrinėjama žymaus mokslininko Michailo Kufajevo įtaka Rusijos knygos istorijai. Savo veikaluose M. Kufajevas itin daug dėmesio skyrė knygos filosofijai, knygos mokslo filosofiniams bei metodologiniams pagrindams, knygos istorijai, bibliosociologijai. Kurdamas savo teoriją apie knygos mokslą, M. Kufajevas daugiausia naudojo Badeno filosofijos mokyklos principais. Jo nuomone, knygos mokslas turėtų būti priskirtas prie „ideografinių“ mokslų, kurie analizuoja atskirus reiškinius ir jų istoriškai unikalias ypatybes, o ne prie jų priešingybės – „nomotetinių“ mokslų, kurie tiria realybę reiškinių priklausomybės nuo visuotinių jų būti valdančių dėsnių. Kufajevas pabrėžė unikalią ir „idealią“ knygos kilmę, teigė, kad kiekviena knyga yra asmenybės saviraiškos rezultatas. Jam knyga buvo regimajame daikte įkūnyta mintis ir žodis. Jo nuomone, „materialaus“ knygos egzistavimo „komunikacijos plotmėje“ ir „komunikacijos procese“ tyrimai priklauso prie bibliosociologinių mokslų, kurie vertina knygos socialinę vertę – taigi, nustato tam tikras taisykles, kurios pagal apibrėžimą jau priklauso nomotetikai.

M. Kufajevo teorija remiasi Vakarų Europos tradicija ir, be abejonės, jo metodologinės

bei teorinės mintys buvo būdingos ir kitiems žymiesiems Rusijos knygos mokslo tyrėjams – Nikolajui Lisovskiui ir Aleksandrui Loviaginui. Vis dėlto 1920-ųjų ir 1930-ųjų metų sandūra Rusijoje buvo pažymėta kaip mokslo ideologizavimo pradžia, o per ketvirtąjį dešimtmetį M. Kufajevo mokslas buvo pasmerktas kaip buržuazinis, idealistinis ir formalistinis. Jis nebegalėjo tęsti savo mokslo krypties, nes trečiojo dešimtmečio pabaigoje politinė ir ideologinė padėtis SSRS smarkiai pasikeitė ir Kufajevo darbai buvo aršiai kritikuojami, o vėliau nepateisinamai užmiršti.

Vis dėlto M. Kufajevo teorinės prielaidos tapo pagrindu dabartiniam Rusijos knygų mokslo tyrimams. Šių dienų tyrėjai mano, kad jo idėjos yra ypač reikšmingos dabarties humanitariniams mokslams. Sekdami M. Kufajevu, jie tyrinėja bibliografijos ir knygos mokslus; jų nuomone, idėjos apie tyrimų objektą empiriniu lygmeniu yra būtinos, bet nepakankamos visapusiškam jo tyrinėjimui. M. Kufajevo mokinių ir sekėjų tarp šiuolaikinių bibliologų yra daug, tad galima manyti, jog šių dienų Rusijoje M. Kufajevo knygos mokslo mokykla yra labai populiari.

Įteikta 2013 m. sausio mėn.